

БАРТАБАС ДУШОЮ – ЛОШАДЬ

Создатель конного театра и его фильмы

Независимая газ. 2001-22 июль - с. 7

НА ТЕАТРАЛЬНОЙ Олимпиаде любители экстремальных зрелищных форм могли приобщиться к конному театру «Зингаро» режиссера Бартабаса, дававшему представление в Коломенском. Но то была просто воплощенная классика по сравнению с кинематографом Бартабаса. Впечатление от только что прошедшей ретроспективы, состоявшей из двух его картин, «Шамана» и «Мазепы»: Бартабас – фигура мистическая. Подспудная оригинальность «Шамана» (сценарий Бартабас написал вместе с самим Жаном-Люком Годаром) и «Мазепы» совсем не в том, что это кино про лошадей. Там и людей предостаточно. Но обе картины все равно смотрятся странно.

В кадре «Шамана» еще не появилось ни одной лошади, а впечатление нерусского, неевропейского и вообще нечеловеческого кино уже возникает. Не только из-за комически звучащей русской речи узников ГУЛАГа, замышляющих побег, и слышного выразительных лиц персонажей, которые кажутся заведомо ненормальными, – как бы Сибирь и как бы советская несвобода... Но в «Мазепе» уже нет никакой русской речи, в центре сюжета – вполне известная фигура художника-романтика Жерико и вполне традиционный для Западной Евро-

пы образ – наездника Франкони, директора Олимпийского цирка. Цивилизованная, даже эстетская и богемная Франция. Но снова как-то возникает смутное ощущение, что есть тут во всех персонажах нечто нефранцузское и опять же нелюдское, хотя и вполне гуманное.

Очевидно, что режиссер очень хорошо относится к лошадям. Но и к людям он относится по-доброму. Ласково, как к ручным животным. И в «Шамане», и в «Мазепе» перипетии жизни людей поданы весьма сочувственно, но отстраненно и безмятежно, с позиций наблюдателя за человеческими судьбами. Невольно возникает ассоциация: Бартабас – один из племен гуингмов, «интеллигентных» коней из «Путешествий Гулливера» Свифта. Он снимает нормальное, вполне реалистичное кино про жизнь – но только от имени лошадиного племени.

Скачет советский скрипач Дмитрий на приземистом мохнатом скакуне рыже-бурого окраса, за плечами – заветная скрипка. Лихо, как заправский наездник, скачет по одалу, по заснеженному скучному полю Шаман, вдохновитель и наставник Дмитрия. Умирает Шаман под священным деревом, оставляя

беглого скрипача одного. А ощущения страха и одиночества почему-то нет. Скачка среди суровых ландшафтов, в отсутствии друзей и тепла, с дурацкими седелками на спине, как и неминуемая смерть, – обычные вещи для лошади. Провожает талантливый Теодор Жерико отрешенным взглядом хорошую лошадь, и кажется, что сам художник довольно заураден, а вот лошадь – особенная. То ли заговорит, то ли совершит «поступок», то ли обнаружит магическую силу и власть. Не случайно Жерико уже не реагирует в своей жизни ни на что и ни на кого, даже на женщин, полностью погружаясь в переживание внутренней связи с лошадиными душами.

У племени лошадей глаз гораздо зорче. Поэтому так экспрессивна сама жизненная материя на экране у Бартабаса, так упрямо неподвижен северный лес и так близко небо. Лошадь думает только о том, что есть, она не держит в голове другой природы и погоды. Потому так впечатляюще мнется одежда на героях – как будто лошадь смотрит и не понимает, откуда берутся складки и почему их обладатели не встряхнутся, чтобы одежда улеглась ровно и гладко, как шерсть. У Бар-

табаса снег снят так, словно режиссер совсем недавно фыркал, касаясь его «мордой», и ощущал ноздрями покалывание этой белой пыли, а человеческие лица – так, словно режиссерское острое зрение не может никак привыкнуть к этим существам явно другой породы и повадок. И когда умерший Шаман застывает под деревом, сомкнув навеки глаза-щелочки, избранный Бартабасом ракурс явственно напоминает опасливый взгляд сверху и с очень близкого расстояния – как будто лошадь подошла к труп и склонила свою длинную шею.

Кстати, в обоих фильмах каждая лошадь неповторима и своеобразна – потрясающий кастинг, сделанный явно «своим», собратом по лошадиной органике. Какие разные морды, а вернее, все-таки «лица», как по-разному топорщится шерсть, как индивидуально бегут ноги и бьют копыта. Голоса людей звучат сдвинутыми и скрипуче, а конское ржание и храп – мелодичны, бархатисты. В «Мазепе» Бартабас словно сочиняет историю о том, как лошади вытеснили людей в жизни творческой личности, а в «Шамане» жалеет человека, оставшегося без надежного товарища на необъятных просторах. ■